
Книга: Б.Житков. "Джарылгач". Рассказы и повести
Издательство "Детская литература", Ленинград, 1980
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 июня 2002 года

Было тихо, жарко. Над горячим песком и над морем волновалось марево. Купальщики на пляже сняли с себя даже трусики. Щурясь и прикрывая головы кто носовым платком, кто просто рубахой, они смотрели вдаль, в море. В море что-то глухо бухало, а что, не было видно.

Голые купальщики изнывали от зноя, а старик - в черном пальто, в старой адмиральской фуражке большим белым блином с огромным козырьком - как бы вовсе не замечал и не чувствовал июльской духоты и зноя. Он взошел на песчаный пригорок, расставил, словно укрепил, ноги в песке, подперся палкой с резиновым набалдашником, надставил козырек стариковской рукой и маленькими едкими глазками впился в море. Он знал, что это бухает, знал, куда надо смотреть: недаром на голове у него была старая адмиральская фуражка с ремешком на двух золотых пуговках.

На старика в черном пальто было жарко смотреть. Купальщики посмеялись над ним и отвернулись от него. А ему и не надо было никого. Он сам с собой разговаривал сиплым басом. Говорил он вот что:

- Тэк-с, это, конечно, двенадцатидюймовочкой ахнули. Тэк-с... А это разрыв... - сказал он, увидев с пригорка то, что за маревом не видели купальщики. Столб воды далеко у горизонта взлетел вверх, сверкнул на солнце и рухнул. Через минуту долетел грохот разрыва. - Тьфу ты! Да неужто со второго?

Старик заволновался, захлопал себя по карману пальто, а хлопать-то было нечего: большой медный бинокль лежал на своем месте. Все продал старик в голодные годы, не продал только вот этот бинокль. Этот бинокль подарил ему когда-то отец, когда он окончил морской кадетский корпус, подарил и сказал: "Ну, теперь гляди в оба!"

До адмиральского чина дослужился бинокль вместе с хозяином, и старик тайком называл его "ваше превосходительство".

- А ну-ка, "ваше превосходительство", глянем!

Старик так и впился в море, спокойное, с легкой ласковой зыбью. Он вертел ролик бинокля и с наслаждением пробежал глазами по сверкающей водной равнине.

Вот уже 17 лет, с того самого дня, как сняли его с корабля матросы, он, старый моряк, ни разу не взглянул на море.

На приморской даче, на которой он жил и зимой и летом, окно, выходившее на море, он приказал завесить плотной занавеской еще раньше того, как он въехал в эту самую дачу, и строжайше запретил ее трогать. Каждый день, выходя на прогулку, он брал курс из дверей прямо от моря в берег, в сосновый лес, а с прогулки возвращался всегда той дорогой, которую сплошной цепью пересекали дачи и закрывали море. А сегодня вдруг лопнула старая тесемка, на которой 17 лет болталась зеленая занавеска, занавеска упала, и море - голубое, ясное - приветливо глянуло на старика в окно. Старик было выругался, приладил занавеску, хотел задернуть, но встал у окна, посмотрел на море да так и стоял с полчаса: оцепенело глядел не отрываясь.

Вдруг повернулся и стал поспешно одеваться, надел все, что висело на вешалке, словно собирался уйти в море и никогда не возвращаться. Он туго набил кисет табаком, сунул в карман щербатую "миледи" и "его превосходительство" и торопливо зашагал к морю.

И вот он стоял и смотрел в бинокль и чувствовал, как море переливает в него всю свою свежесть.

- Так и есть! Со второго прохлопали.

Старик ясно видел пробитый щит - плавучую брезентовую мишень, которую тащил на буксире небольшой катерок.

- Это Васька! Васька Осипов! - забормотал он волнуясь. - Узнаю письмо по почерку. Меня не надуете, дорогие товарищи! Комсомольцы-то у вас вроде для фирмы, а мишени-то старые комендоры дырявят. Думали, без нас, стариков, обойдетесь... А вот и не вышло-с. Ххе! Мелко плавали, дорогие товарищи! А ну, "ваше превосходительство", разрешите покурить!